Научная статья

https://doi.org/10.54220/v.rsue.1991-0533.2026.93.1.012
УДК 332.1

КОНТУРЫ И ГРАНИЦЫ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ЭФФЕКТОВ ОЭЗ

Митина Д. Е.*[1], *Семенов А. П.*[2]
[1] *Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Оренбург, Россия*
[2] *Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия*
*** alsemenov.p@gmail.com***

Аннотация. *Введение.* В статье рассмотрены пространственные эффекты особых экономических зон и методические основания их интерпретации в региональной экономике с акцентом на необходимость различения локального результата функционирования режима и регионального эффекта, проявляющегося в смежных территориях и в региональном окружении. Обоснована постановка пространственной диффузии эффектов ОЭЗ как самостоятельного объекта анализа и показана значимость выявления границ диффузии как зоны затухания воздействия по параметрам пространственной связанности. *Материалы и методы.* В основу анализа взяты положения отечественных исследований по пространственной эконометрике и пространственным эффектам территориальной политики, включая подходы к интерпретации пространственной зависимости показателей и к учету межтерриториальных взаимодействий. Использованы методы сравнительного анализа и агрегирования результатов научных публикаций, а также логика систематизации показателей по уровням фиксации эффекта, исходя из предпосылок о приоритете связанности над расстоянием, неоднородности внешних эффектов по каналам и риске смещения оценок при игнорировании взаимного влияния территорий. *Результаты исследования.* Систематизация пространственных эффектов ОЭЗ выполнена через трехконтурную конструкцию, включающую внутренний контур собственных результатов зоны, контур перераспределения активности в ближайшем окружении и контур внешних эффектов без эквивалентного вытеснения. Показано, что интерпретация эффективности ОЭЗ на основе динамики внутренних показателей является методически недостаточной, поскольку не позволяет отделить прямой локальный результат от перераспределительных потерь и от внешней дополнительной динамики сопряженных территорий. Сформирован набор параметров оценки, привязанный к уровням наблюдения, предложена логика определения границ диффузии через устойчивость пространственной структуры изменений при различных способах задания межтерриториальных связей. *Обсуждение и заключение.* Пространственная диффузия эффектов ОЭЗ определяется конфигурацией связанности территорий и характеризуется выраженной неоднородностью, вследствие чего границы проявления эффекта должны трактоваться как результат структурной конфигурации экономического пространства и производственных цепочек, а не как простая функция расстояния. Сделан вывод о необходимости комплексной многоуровневой оценки, основанной на строгом разведении прямого результата режима, перераспределения и внешнего эффекта без эквивалентного вытеснения, что обеспечивает корректность интерпретации результативности ОЭЗ как инструмента регионального развития.

Ключевые слова: особые экономические зоны, региональная экономика, пространственные эффекты, пространственная диффузия.

Для цитирования: Митина Д. Е. Семенов А. П. Контуры и границы пространственных эффектов ОЭЗ. *Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).* 2026;1(33):143-153. DOI 10.54220/v.rsue.1991-0533.2026.93.1.012.

Research article

JEL R11 R58 C21 C31

CONTOURS AND BOUNDARIES OF SPATIAL EFFECTS OF THE FEZ

Mitina D.*[1], *Semenov A.*[2]
[1] *Kutafin Moscow State Law University, Orenburg, Russia*
[2] *Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia*
***** *alsemenov.p@gmail.com*

Annotation. *Introduction.* This article examines the spatial effects of free economic zones and the methodological basis for their interpretation in regional economics, emphasizing the need to distinguish between the local effects of the regime's operation and the regional effects manifested in adjacent territories and the regional environment. It substantiates the concept of the spatial diffusion of SEZ effects as an independent object of analysis and demonstrates the importance of identifying diffusion boundaries as zones of attenuation of impact based on spatial connectivity parameters. *Materials and methods.* The analysis is based on domestic research on spatial econometrics and the spatial effects of territorial policy, including approaches to interpreting the spatial dependence of indicators and accounting for inter-territorial interactions. Methods of comparative analysis and aggregation of scientific publication results were used, as well as the logic of systematizing indicators by levels of effect recording, based on the assumptions of the priority of connectivity over distance, the heterogeneity of external effects across channels, and the risk of biased estimates when ignoring the mutual influence of territories. *Research results.* The spatial effects of FEZs are systematized using a three-loop framework, including an internal loop of the zone's own results, a loop of activity redistribution in the immediate vicinity, and a loop of external effects without equivalent displacement. It is shown that interpreting SEZ effectiveness based on the dynamics of internal indicators is methodologically insufficient, as it fails to separate direct local results from redistribution losses and from the external additional dynamics of adjacent territories. A set of assessment parameters linked to observation levels is developed, and a logic for determining diffusion boundaries is proposed through the stability of the spatial structure of changes under various methods of defining interterritorial connections. *Discussion and conclusion.* The spatial diffusion of FEZ effects is determined by the connectivity configuration of territories and is characterized by pronounced heterogeneity. Consequently, the boundaries of the effect's manifestation should be interpreted as a result of the structural configuration of economic space and production chains, rather than as a simple function of distance. A conclusion is drawn regarding the need for a comprehensive, multi-level assessment based on a rigorous distinction between the direct effects of the regime, redistribution, and external effects, without equivalent crowding out. This ensures a correct interpretation of the effectiveness of SEZs as a tool for regional development.

Keywords: special economic zones, regional economy, spatial effects, spatial diffusion.

For citation: Mitina D., Semenov A. Contours and Boundaries of Spatial Effects of the FEZ. *Vestnik of Rostov State University of Economics (RINH).* 2026;1(33):143-153. DOI 10.54220/v.rsue.1991-0533.2026.93.1.012.

Введение

В современных условиях пространственной трансформации экономики, когда конкуренция регионов за инвестиции, кадры и технологические компетенции становится устойчивой характеристикой хозяйственного развития и вектором повышения конкурентоспособности в

макромасштабе, особые экономические зоны (ОЭЗ) могут выступать в качестве одного из ключевых инструментов территориальной политики, через который на государственном и муниципальном уровне локализуются новые производства, изменяются параметры воспроизводства на более широком пространстве, включая структуру занятости, конфигурацию кооперационных связей и динамику предпринимательской активности. В большинстве случаев оценка эффективности функционирования ОЭЗ и экономической целесообразности создания рассматривается через механизм льготного режима как набора институциональных стимулов с последующим бюджетным эффектом, однако если комплексно формировать подход к данному вопросу, то вектор изучения должен быть смещен в сторону комплексной оценки: при каких условиях локальный режим действительно формирует региональный импульс развития, то есть выходит за пределы собственного контура и преобразует систему межтерриториальных взаимодействий, а при каких остается точечным результатом, эффект которого исчерпывается внутренними показателями и не преобразует окружающую экономическую среду. Тем самым рассмотрение ОЭЗ как фактора социально-экономического развития региона объективно требует перехода от оценок, сосредоточенных на ядре зоны, к анализу пространственного распространения результатов, поскольку именно способность эффекта транслироваться на прилегающие территории определяет общественную значимость инструмента и корректность выводов о его результативности в региональной экономике.

Вместе с тем в существующих прикладных оценках сохраняется методологически значимое противоречие: динамика показателей внутри ОЭЗ нередко трактуется как доказательство регионального эффекта, хотя по своей природе такие изменения могут отражать, во-первых, прямой локальный результат, во-вторых, перераспределение активности, когда рост в ядре обеспечивается оттоком ресурсов и деловой инициативы из соседних муниципалитетов, и, в-третьих, иллюзию эффекта, возникающую вследствие некорректного выбора территорий сравнения, которые фактически также оказываются затронутыми воздействием и тем самым размывают причинную интерпретацию. В условиях пространственной взаимосвязанности территорий эта проблема приобретает принципиальный характер: если влияние зоны распространяется за ее границы, то стандартные процедуры сопоставления до и после без явного учета межтерриториальных связей неизбежно искажают оценку, подменяя вопрос о региональном результате вопросом о локальной динамике, а следовательно, создают риск ошибочных управленческих выводов о целесообразности расширения зон, тиражирования модели или изменения параметров поддержки, а также в целом об их эффективности. В результате возникает потребность в теоретико-методической подходе, который позволит, с одной стороны, концептуально определить пространственную диффузию эффектов ОЭЗ как самостоятельный объект анализа, а с другой, предложить воспроизводимую логику выявления границ этой диффузии, понимаемых как зона затухания воздействия по параметрам пространственной связанности.

Материалы и методы

В работе выполнено агрегирование и систематизация научных подходов к формированию кластеров и к интерпретации их классификационных оснований. Использованы методы сравнительного анализа и графической интерпретации данных, а также обзор и обобщение нормативных и научных публикаций, что позволило выделить ключевые направления развития и уточнить особенности их проявления в исследуемой предметной области.

Логика исследования опирается на несколько исходных предпосылок, задающих направление последующего анализа: пространственное распространение

эффектов определяется не географическим расстоянием само по себе, а конфигурацией связанности, то есть доступностью, интенсивностью трудовых и кооперационных взаимодействий, инфраструктурной включенностью и институциональной проницаемостью межтерриториальных границ; внешние эффекты по различным каналам проявляются неоднородно, вследствие чего границы затухания не могут считаться едиными для всех показателей и должны выявляться дифференцированно; игнорирование взаимного влияния территорий приводит к смещению оценок и повышает вероятность подмены истинных внешних эффектов результатами перераспределения или статистическими артефактами.

Необходимо формирование строгой методологической базы, способной обеспечить корректную постановку и последующую эмпирическую проверку вопроса о том, где заканчивается локальный эффект ОЭЗ и начинается (либо не возникает) ее региональный результат.

Обсуждение

Интерпретация пространственной диффузии эффектов ОЭЗ в региональной экономике требует исходить из того, что объектом оценки здесь должен быть не получаемый локальный фокус результатов в административном контуре зоны, а изменение параметров сопряженных территорий, возникающее через межтерриториальные связи и проявляющееся как внешние эффекты, затухающие или, напротив, усиливающиеся в зависимости от конфигурации связанности. В этом подходе граница эффектов не задается заранее географическим радиусом и не совпадает автоматически с линиями административного деления, поскольку сама пространственная зависимость экономических показателей формируется потоками товаров, технологий, информации и миграции, а ее интенсивность возрастает по мере усиления транспортной инфраструктуры и связанности технологических цепочек предприятий [1, 2, 7]. В этой логике принципиально важно, что один и тот же институциональный импульс способен порождать разнонаправленные эффекты: размещение новых производств может ухудшать перспективы аналогичных производств на соседних территориях, но одновременно создавать спрос на комплектующие, материалы и сервисы, тем самым формируя рост по цепочке кооперации и переводя часть результата в внешний контур [7].

Следовательно, обсуждение эффекта ОЭЗ вне категории пространственных эффектов оказывается методически недостаточным, поскольку в таком случае смешиваются собственно внешний эффект и эффект перераспределения активности между территориями.

Из указанного вытекает вторая позиция обсуждения, связанная с инструментарием идентификации границ диффузии: даже при доказательной постановке оценки среднего эффекта создания ОЭЗ на параметрах развития региона сохраняется риск недоучета межтерриториальных перетоков, что прямо фиксируется в эконометрической оценке эффекта ОЭЗ в масштабе страны: авторы подчеркивают, что полученная оценка не учитывает перетягивание ресурсов из соседних регионов и потому требует отдельного детального анализа [5]. Эта оговорка задает корректную рамку для интерпретации диффузии: внешние эффекты не могут считаться подтвержденными, пока не разведены механизмы перераспределения и собственно распространения результата без эквивалентного вытеснения. В практическом измерении это означает необходимость строить оценку так, чтобы «граница эффекта» выявлялась по структуре межтерриториальных связей, а не по формальной смежности, и чтобы выводы были устойчивыми к способу задания пространственной зависимости [7].

Связанность территорий носит неоднородный характер, вследствие чего диффузия эффектов ОЭЗ не формирует равномерного процесса, одинакового для всех смежных территорий [12].

Методический акцент на гетерогенности взаимовлияния регионов, обоснование использования матриц межрегиональных взаимодействий как косвенных измерителей силы связей и вывод о зависимости результата от наличия производственных цепочек позволяют интерпретировать границы проявления эффекта как результат структурной конфигурации экономического пространства, а не как простую функцию расстояния [4, 11]. Анализ пространственных экономических систем показывает, что включенность региона в экономическое пространство страны и усиление пространственной связанности рассматриваются как механизм адаптации и источник восстановительного роста, то есть как канал, через который институциональные импульсы способны преобразовываться во внешние эффекты на сопряженных территориях [6]. В совокупности это позволяет трактовать пространственную диффузию эффектов ОЭЗ как проявление пространственных внешних эффектов, зависящих от структуры связанности (инфраструктурной, производственной и трудовой), при обязательном различении положительных внешних эффектов и перераспределительных потерь, что и задает содержательный смысл «границы диффузии» как аналитической категории.

Результаты исследования

Систематизация пространственных эффектов ОЭЗ позволяет разделить область и характер диффузии. Условно можно выделить несколько контуров: внутренний контур (ядро), перераспределительный смежных территорий и внешний (рис. 1).

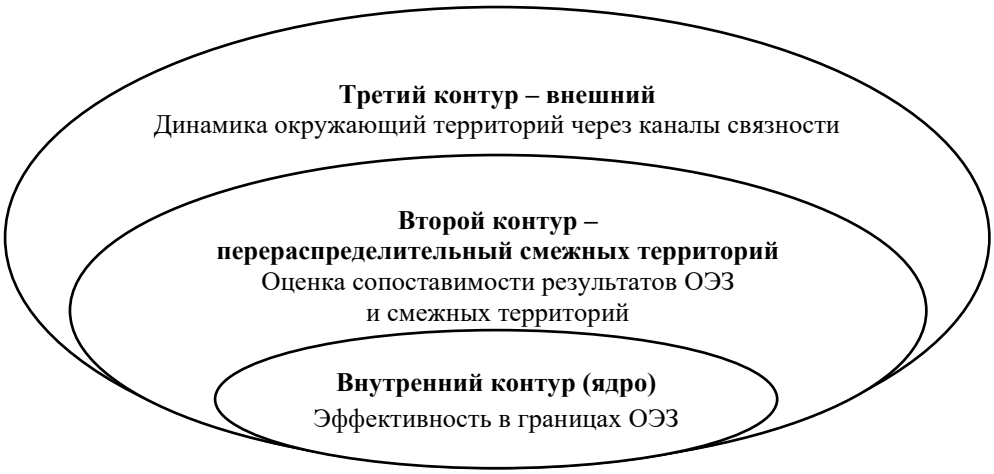

Рисунок 1 – **Контуры оценки пространственных эффектов ОЭЗ**
Figure 1 – **Assessment contours of spatial spillover of FEZ**

Первый – внутренний контур – отражает собственный результат функционирования ОЭЗ в ее пределах и на территории размещения, то есть изменения, которые возникают непосредственно вследствие режима, инфраструктурного обеспечения и концентрации резидентской активности. Здесь фиксируется, насколько предоставляемые условия преобразуются в фактическую динамику показателей и закрепляются ли результаты во времени, выходя за рамки стартовой фазы первоначального расширения. Второй слой описывает перераспределительный результат, когда усиление зоны может сопровождаться ослаблением ближайшего окружения: в этом случае рост внутри ОЭЗ выступает не как общественный эффект, а как перенос активности, и потому требует отдельного выявления по сопоставимой динамике в сопряженных территориях. Третий слой фиксирует внешний эффект без эквивалентного вытеснения, когда окружающие территории демонстрируют дополнительную динамику, возникающую через каналы связанности:

рынок труда, кооперацию, спрос и инфраструктурную доступность, и при этом не объясняемую простым перетоком ресурсов из соседей в ядро. В совокупности такая трехслойная конструкция позволяет перейти от описания отдельных изменений к корректной интерпретации результативности ОЭЗ как инструмента регионального развития, поскольку она удерживает различие между внутренней концентрацией, перераспределением и внешними эффектами, которые и формируют содержательный смысл пространственной диффузии.

Внутренний контур оценки включает в себя изменения, которые непосредственно фиксируются в границах функционирования ОЭЗ на этапах запуска режима, формирования инфраструктурной базы, размещения объектов и концентрации резидентской активности. Ключевым фокусом становится собственная динамика внутри зоны: насколько предусмотренные условия создания ОЭЗ получают фактическую реализацию в измеримых экономических и социальных результатах, происходит ли закрепление этих параметров в устойчивом темпе на протяжении последующих периодов, а не только в момент первичного развертывания. Важно, чтобы устойчивость результатов наблюдалась не только в период экстенсивного роста, когда положительная динамика объясняется расширением состава резидентов и физическим вводом новых мощностей, а сохранялась в процессе дальнейшего функционирования, когда решающим становится воспроизводимость эффекта при переходе проектов к режиму эксплуатации.

Содержательное наполнение внутреннего контура целесообразно выстраивать через показатели, непосредственно отражающие результативность резидентов и обеспечивающей инфраструктуры. В первую очередь фиксируется инвестиционный результат в его фактическом выражении: объем освоенных резидентами инвестиций и сопоставление его с заявленными обязательствами, поскольку именно инвестиционная реализация показывает, реализуются ли проекты как хозяйственная практика, а не как формальные намерения. Далее раскрывается инфраструктурная обеспеченность зоны как условие концентрации и устойчивости активности: объемы и структура расходов на создание инфраструктуры по уровням финансирования, вложения управляющей компании, ввод объектов инфраструктуры и их проектные мощности, а также степень освоения средств и наличие остатков. После этого в контур вводятся показатели, характеризующие собственно резидентскую активность: динамика численности резидентов, создание рабочих мест и численность занятых резидентов, показатели выпуска и реализации продукции и услуг в сопоставимых характеристиках, а также структура видов деятельности резидентов, позволяющая увидеть, формируется ли профиль специализации зоны и насколько он устойчив.

Отдельно в рамках внутреннего контура должны быть представлены фискальные результаты и сопоставление их с масштабом предоставленных мер поддержки: объемы налоговых и таможенных платежей, страховых взносов и объемы использованных льгот по соответствующим направлениям. Это необходимо для того, чтобы оценка внутренней результативности не сводилась к фиксации роста частных показателей, а отражала соотношение достигнутых результатов и ресурсной стоимости режима. Завершает внутренний контур блок, характеризующий использование территории и загрузку инфраструктуры: доля площади участков, предоставленных резидентам, в общей полезной площади ОЭЗ, и доля мощности инфраструктуры, закрепленной обязательствами резидентов, в общей мощности введенных и создаваемых объектов, поскольку эти параметры показывают, превращается ли зона в экономически «заполненное» пространство либо сохраняет признаки незагруженности. При этом внутренний контур удерживается в пределах самой зоны и территории ее

размещения и не подменяет собой анализ изменений в окружении. Перераспределительный эффект, когда усиление зоны может сопровождаться ослаблением ближайших территорий через перетягивание ресурсов и проектов, и внешний эффект без эквивалентного вытеснения, когда сопряженные территории приобретают дополнительную динамику по каналам рынка труда, кооперации и спроса, относятся к иной плоскости оценки и требуют самостоятельной идентификации. Внутренний контур, напротив, фиксирует собственные параметры функционирования ОЭЗ в динамике стадий: запуск режима, этапы ввода инфраструктуры, наращивание числа резидентов и переход проектов к устойчивой эксплуатации, поскольку внутри зоны неизбежна неоднородность траекторий резидентов и различная скорость реализации проектов, а следовательно, корректная фиксация результатов возможна только на временных рядах и сопоставимых периодах.

Контур перераспределения смежных территорий отражает ситуацию, при которой усиление ОЭЗ и территории ее размещения сопровождается ослаблением ближайшего окружения, то есть наблюдаемый рост внутри зоны достигается не за счет формирования дополнительной экономической активности, а через переток ресурсов и перемещение факторов производства из соседних муниципалитетов. В рамках такой постановки перераспределение выступает самостоятельным типом результата, который не может трактоваться как «отсутствие внешнего эффекта», поскольку имеет собственный механизм возникновения и собственные диагностические признаки: положительная траектория показателей внутри зоны формируется параллельно с ухудшением либо замедлением динамики в смежных территориях по сопоставимым каналам. Методически важно, что именно ближайшее окружение является зоной наибольшей вероятности перераспределения, поскольку смежные территории вовлечены в наиболее интенсивный обмен трудовыми, производственными и инфраструктурными ресурсами с площадкой размещения ОЭЗ, а потому потенциальные потери способны проявляться быстрее и более явно, чем в дальнем контуре, где связанность слабее и эффекты чаще приобретают функциональный, а не географический характер.

Контур перераспределения в содержательном отношении фиксирует не прирост в окружении, а возможные потери смежных территорий, что обеспечивает корректность интерпретации результативности ОЭЗ как инструмента регионального развития. Если прирост внутри зоны сопровождается отрицательной динамикой в ближайшем окружении, то это означает, что часть результата сформирована посредством вытеснения и перетягивания активности, а следовательно, итоговый эффект для системы территорий не может оцениваться по показателям зоны в изоляции. Отдельное значение приобретает учет пространственных взаимодействий, поскольку смежные территории связаны с зоной транспортной доступностью, рынком труда и кооперационными связями, вследствие чего игнорирование пространственной зависимости повышает риск ошибочной интерпретации перераспределения в пользу ядра как положительного внешнего эффекта. Тем самым контур перераспределения фиксируется как инструмент методической проверки интерпретации, позволяющий отделять формирование дополнительного результата от усиления зоны за счет снижения активности в ближайших территориях, причем именно эта граница является критической для корректного обсуждения пространственной диффузии.

Третий контур оценки будет охватывать те изменения, которые фиксируются вне границ ОЭЗ и проявляются в сопряженных территориях как дополнительная динамика, возникающая в результате межтерриториальных связей с зоной. Ключевым содержанием данного контура становится проверка того, формируется ли в окружении прирост показателей,

который не сводится к общей региональной траектории и не является следствием перетягивания ресурсов из этих территорий в пользу зоны. Иными словами, в центре внимания оказывается внешний эффект без эквивалентного вытеснения: присутствует ли у сопряженных территорий собственная положительная динамика, возникающая вследствие включенности в хозяйственные взаимодействия с ОЭЗ при том, что в ближайшем поясе не наблюдается зеркального ухудшения по тем же каналам, которое бы указывало на перераспределение в пользу ядра.

Содержательно третий контур строится на предпосылке открытости территориальных систем и зависимости их результатов от потоков ресурсов и факторов производства, поэтому само пространство здесь рассматривается не как геометрическая близость, а как степень связанности, задаваемая инфраструктурной доступностью, интенсивностью обменов и устойчивостью хозяйственных контактов. В этом контуре принципиально важна не фиксация отдельных изменений, а выявление закономерной пространственной структуры динамики, когда дополнительный прирост концентрируется в территориях с более высокой связанностью с зоной и ослабевает по мере ее снижения. Именно такая структура позволяет говорить о внешнем эффекте как о воспроизводимом результате, а границу внешнего воздействия трактовать как зону затухания, выявляемую эмпирически через устойчивость оценок при различных способах задания межтерриториальных связей. При этом третий контур изначально предполагает неоднородность по направлениям и по типам территорий: внешняя динамика может проявляться локально, усиливаясь в отдельных узлах и не воспроизводясь в формально близких территориях при слабой функциональной связанности, поэтому интерпретация строится через сопоставление зон усиления и зон затухания и через проверку устойчивости результатов к альтернативным спецификациям пространственного взаимодействия.

Заключение

Оценка пространственных эффектов ОЭЗ должна опираться не только на динамику показателей в пределах территории функционирования режима, но и формировать комплексную многоуровневую систему фиксации результатов, проявляющихся в смежных территориях и в более широком региональном окружении. Такая постановка необходима для того, чтобы различать собственный результат функционирования зоны, перераспределение активности и внешний эффект, возникающий в сопряженных территориях, поскольку при сведении оценки к одному контуру наблюдения положительная динамика внутри ОЭЗ может быть интерпретирована как общий эффект, несмотря на то что она способна формироваться как за счет стартового расширения проектов, так и за счет перетягивания ресурсов из ближайшего окружения. Система показателей задается как совокупность параметров, привязанная к уровням фиксации эффекта, где внутренний контур требует показателей хозяйственной активности и ее факторной базы на территории размещения, контур смежных территорий обеспечивает сопоставимость по тем же каналам для выявления перераспределения, а внешний контур дополняет измерение параметрами пространственной зависимости и связанности, позволяющими выявлять дополнительную динамику в окружении и очерчивать границы ее проявления. Соответственно, выбор показателей и методических параметров в таблице выстраивается по уровню наблюдения, поскольку именно уровень фиксации определяет, какие результатные показатели используются как основа интерпретации, а какие индексы и коэффициенты применяются для проверки пространственной структуры и устойчивости выявляемых эффектов (табл. 1).

Таблица 1 – **Основные показатели пространственных эффектов в рамках контуров оценки**
Table 1 – **Key indicators of spatial effects within the assessment framework**

Уровень фиксации	Параметры оценки	Источник
1) Ядро (внутренняя динамика ОЭЗ)	ВРП на душу населения; инвестиции в основной капитал; среднегодовая численность занятых	[5]
1) Ядро (внутренняя динамика ОЭЗ)	Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами на душу населения (без субъектов малого предпринимательства); численность постоянного населения; отношение среднесписочной численности работников организаций к численности постоянного населения; инвестиции в основной капитал на душу населения (за исключением бюджетных средств); доля городского населения	[7]
2) Контур перераспределения (переток активности в пользу ядра за счет окружения)	Отгрузка/выпуск на душу населения (как результирующая переменная); инвестиции на душу населения; уровень занятости населения; доля городского населения; численность населения	[7]
3) Контур внешних эффектов (пространственная диффузия без эквивалентного вытеснения)	Индикатор межрегионального взаимовлияния в промышленной сфере: $LISA_{ij}$ (на основе стандартизованных отклонений объемов производства и элемента матрицы весов w_{ij}); нормированный $LISA_{ij}$ в интервале 0-1 как зависимая переменная	[4, 9, 11]
3) Контур внешних эффектов (пространственная диффузия без эквивалентного вытеснения)	Логарифм модуля разницы: реальной заработной платы на душу населения; инвестиций в обрабатывающее производство на душу населения; затрат на НИОКР (научные исследования и разработки) в млн руб./1000 чел.; уровня урбанизации; численности населения; количества зарегистрированных преступлений на 10 тыс. чел.; числа лиц с высшим образованием; плотности железнодорожных путей; плотности автодорог	[4, 9, 10]
3) Контур внешних эффектов (пространственная закономерность распределения)	Показатели, отражающие распределение и динамику явления по регионам, а также отраслевые сопоставления через долю причиненного ущерба и соотнесение с отраслевой добавленной стоимостью (ВДС)	[3]

Оценивая пространственные эффекты и их границы при формировании ОЭЗ необходимо опираться как на внутренние показатели эффективности самой зоны, так и на комплексную многоуровневую фиксацию результатов, проявляющихся в смежных территориях и в региональном окружении. Такая сложная система оценки позволяет идентифицировать различия между локальным результатом и региональным эффектом. Таким образом, важно понимать и показатели внутреннего контура функционирования ОЭЗ, а также учет распределения изменений в ее окружении, что в совокупности рассматривается как основание интерпретации, требует строгого разведения трех эффектов, не допускающих смешения в выводах: прямого результата режима в пределах территории размещения, перераспределения активности в пользу ядра за счет ближайших территорий и внешнего эффекта без эквивалентного вытеснения, проявляющегося как дополнительная динамика сопряженных территорий по каналам связанности. Соответственно система показателей должна задавать согласованный набор параметров, соотнесенных с уровнем наблюдения, где внутренний контур фиксируется показателями хозяйственной активности и ее факторной базы на территории размещения; контур смежных территорий обеспечивается сопоставимыми показателями по тем же каналам для выявления перераспределительных потерь, а внешний контур

дополняется параметрами пространственной зависимости и связанности, позволяющими выявлять дополнительную динамику в окружении и определять границу ее проявления как зону затухания воздействия по мере ослабления межтерриториальных связей. В результате ОЭЗ рассматривается как инструмент территориальной политики не только по факту наличия внутреннего результата, но и по способности режима формировать устойчивый региональный импульс, при котором внутренняя динамика не сопровождается ослаблением ближайшего окружения и сочетается с воспроизводимыми внешними эффектами в сопряженных территориях.

Список литературы

1. *Коломак, Е. А.* Пространственные экстерналии как ресурс экономического роста // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 4. – С. 73-87.

2. *Митина, Д. Е., Семенов, А. П.* Инструменты развития свободных экономических зон в Ханты-Мансийском автономном округе // Вестник РГЭУ (РИНХ). – 2024. – Т. 31, № 3. – С. 60-72. – DOI 10.54220/v.rsue.1991-0533.2024.87.3.006.

3. Пространственные взаимосвязи и закономерности распространения теневой экономики в России / Е. Н. Невзорова, А. П. Киреенко, И. А. Майбуров // Экономика региона. – 2020. – Т. 16, Вып. 2. – С. 464-478. – DOI 10.17059/2020-2-10.

4. Моделирование гетерогенности взаимовлияния регионов страны в сфере обрабатывающей промышленности / М. Б. Петров, Л. А. Серков, К. Б. Кожов // Экономика региона. – 2021. – Т. 17, Вып. 3. – С. 944-955.

5. *Рахмеева, И. И., Чеснюкова, Л. К.* Особые экономические зоны: эконометрическая оценка эффектов и перспективы развития // Вестник Пермского университета. Серия «Экономика». – 2023. – Т. 18, № 1. – С. 5-24.

6. *Резепин, А. В.* Пространственные экономические системы: методический инструментарий и прикладные решения // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». – 2021. – Т. 15, № 4. – С. 47-56. – DOI 10.14529/em210405.

7. Экономическая активность территорий: сравнительный анализ способов оценки пространственных эффектов / В. Тимирьянова, А. Зимин, К. Юсупов // Пространственная экономика. – 2021. – Т. 17, № 4. – С. 41-68.

8. *Фрумина, С. В.* Особые экономические зоны: введение в теорию вопроса // Финансы и кредит. – 2019. – Т. 25, № 1. – С. 39-54. – DOI 10.24891/fc.25.1.39.

9. *Butts, K.* Difference-in-Differences with Spatial Spillovers [Электронный ресурс]. – URL: https://www.kylebutts.com/files/Spillover.pdf (дата обращения: 19.11.2025).

10. *Butts, K.* Difference-in-Differences Estimation with Spatial Spillovers. – DOI 10.48550/arXiv.2105.03737.

11. *Debarsy, N., Gallo, J. Le.* Identification of Spatial Spillovers: Do's and Don'ts // Journal of Economic Surveys. – 2025. – Vol. 39, № 5. – P. 2152-2173.

12. The Effects of Special Economic Zones on Employment and Investment: a Spatial Panel Modeling Perspective / P. Ciżkowicz, M. Ciżkowicz-Pękała, P. Pękała, A. Rzońca // Journal of Economic Geography. – 2017. – Vol. 17, № 3. – P. 571-605.

References

1. *Kolomak, E.* Spatial Externalities as a Resource for Economic Growth // Region: Economics and Sociology. – 2010. – № 4. – P. 73-87.

2. *Mitina, D., Semenov, A.* Tools for Development of Free Economic Zones in Khanty-Mansi Autonomous District // Vestnik of RSUE (RINH). – 2024. – Vol. 31, № 3. – P. 60-72. – DOI 10.54220/v.rsue.1991-0533.2024.87.3.006.

3. Spatial Relationships and Patterns of Spread of the Shadow Economy in Russia / E. Nevzorova, A. Kireenko, I. Maiburov // Economy of Region. – 2020. – Vol. 16, Iss. 2. – P. 464-478. – DOI 10.17059/2020-2-10.

4. Modeling the Heterogeneity of Mutual Influence of Country's Regions in Manufacturing Industry / M. Petrov, L. Serkov, K. Kozhov // Economy of Region. – 2021. – Vol. 17, Iss. 3. – P. 944-955.

5. Special Economic Zones: Econometric Assessment of Effects and Development Prospects / I. Rakhmeeva, L. Chesnyukova // Bulletin of Perm University. Series Economics. – 2023. – Vol. 18, № 1. – P. 5-24.

6. *Rezepin, A.* Spatial Economic Systems: Methodological Tools and Applied Solutions // Bulletin of SUSU. Series Economics and Management. – 2021. – Vol. 15, № 4. – P. 47-56. – DOI 10.14529/em210405.

7. Economic Activity of Territories: Comparative Analysis of Methods for Assessing Spatial Effects / V. Timiryanova, A. Zimin, K. Yusupov // Spatial Economics. – 2021. – Vol. 17, № 4. – P. 41-68.

8. *Frumina, S.* Special Economic Zones: Introduction to the Theory of Issue // Finance and Credit. – 2019. – Vol. 25, № 1. – P. 39-54. – DOI 10.24891/fc.25.1.39.

9. *Butts, K.* Difference-in-Differences with Spatial Spillovers [Electronic resource]. – URL: https://www.kylebutts.com/files/Spillover.pdf (date of access: 19.11.2025).

10. *Butts, K.* Difference-in-Differences Estimation with Spatial Spillovers. – DOI 10.48550/arXiv.2105.03737.

11. *Debarsy, N., Gallo, J. Le.* Identification of Spatial Spillovers: Do's and Don'ts // Journal of Economic Surveys. – 2025. – Vol. 39, № 5. – P. 2152-2173.

12. The Effects of Special Economic Zones on Employment and Investment: a Spatial Panel Modeling Perspective / P. Ciżkowicz, M. Ciżkowicz-Pękała, P. Pękała, A. Rzońca // Journal of Economic Geography. – 2017. – Vol. 17, № 3. – P. 571-605.

Об авторах

Митина Дина Евгеньевна, *доктор экономических наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, Оренбургский институт (филиал), Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Оренбург, Россия, dinabekber@mail.ru.*

Семенов Александр Павлович, *аспирант, Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия, alsemenov.p@gmail.com.*

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 21.11.2025; одобрена после рецензирования 13.01.2026; принята к публикации 30.01.2026.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)
© 2026 Митина Д. Е., Семенов А. П.

About the Authors

Dina Mitina, *Dr. Sci. (Econ.), Professor of Department of Social and Humanitarian Sciences, Orenburg Institute (branch), Kutafin Moscow State Law University, Orenburg, Russia, dinabekber@mail.ru.*

Alexander Semenov, *Postgraduate Student, Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, alsemenov.p@gmail.com.*

Conflict of Interest: The authors declare no conflict of interest.

The article was submitted on 21.11.2025; approved after reviewing on 13.01.2026; accepted for publication on 30.01.2026.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)
© 2026 D. Mitina, A. Semenov